

О. И. Филимонов

СКРЕПА-ФРАЗА В ЯЗЫКЕ

О. И. ФИЛИМОНОВ

Скрепка-фраза в языке

«АГРУС»

2013

УДК 800
ББК 81

Филимонов О. И.

Скрепа-фраза в языке / О. И. Филимонов — «АГРУС», 2013

Посвящена исследованию синтаксических связей и синтаксических отношений на уровне бессоюзного сложного предложения и сверхфразового единства в современном русском языке. Объектом исследования является особая разновидность неполнозначных слов – скрепа-фраза. Представляет интерес для специалистов в области лингвистики, аспирантов, студентов филологических специальностей, преподавателей русского языка и широкого круга лиц, интересующихся актуальными проблемами современного русского языка.

УДК 800
ББК 81

© Филимонов О. И., 2013
© АГРУС, 2013

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Скрепа-фраза в синтаксической системе русского языка	8
1.1. Юнкционные элементы в системе синтаксических связей в тексте в концептуальной парадигме синтаксических теорий	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

О. И. Филимонов
Скрепа-фраза в языке

© ФГБОУ ВПО Ставропольский государственный аграрный университет, 2013

Предисловие

Развитие современной синтаксической теории заставляет многих исследователей более детально подходить к вопросам построения сложного синтаксического целого (в дальнейшем – ССЦ), сверхфразового единства (далее – СФЕ) и текста. Возникла необходимость серьезного рассмотрения структуры сложного синтаксического целого с точки зрения возникающих в нем синтаксических связей и отношений. В частности, весьма важным представляется определение особенностей функционирования различных средств связи между самостоятельно оформленными предложениями в связном тексте, характер самой связи, круг смысловых отношений, в который включены конструкции с этими средствами связи и пр.

В зоне переходности между собственно сложным предложением и сочетанием предложений в рамках сложного синтаксического целого и текста все более определенную роль начинают играть позиционно-композиционные средства. Они существенны и для простых и для сложноподчиненных предложений, но решающими они оказываются на высших ярусах синтаксиса, включая в себя и последовательность элементов, и денотативную соотнесенность через использование прономинальных средств, синонимические замены в последующем предложении того, что обозначено через полную номинацию в предшествующем (экспозиционном) предложении, использование дополнительной номинации, антонимов и других средств опосредованного указания на тождество денотативной линии или на направление ее трансформации. Однако одним из наиболее существенных средств синтаксической связи на этом синтаксическом ярусе являются межпредложенческие (межфразовые) скрепы. Эти синтаксические образования характеризуются целым рядом особенностей, важнейшей из которых является юнкционная характеристика, вытекающая из союзного характера этих синтаксических образований.

Анализ конкретных употреблений термина «скрепа» показывает, что авторы по-разному подходят к его содержательной стороне. Исследователи синтаксиса текста скрепой называют иногда целые фрагменты текста, например: «*Номинация «история, которую рассказывали Ростову», носит внутривидовой характер и помимо номинативной функции выполняет текстообразующую, являясь своеобразной скрепой различных композиционно-смысловых блоков романа»* [Ильенко 1989]. В особом типе текста, художественном диалоге, в качестве показателя связи выделяют наречия как фразовые скрепы. В работах по теории сложного предложения термин скрепа часто используют вместо названий таких формальных средств связи, как союз, союзное слово, функциональные аналоги союзов и т. п. Другими словами, скрепой называется любой сегмент плана выражения, который выполняет связующую функцию.

Смысловая перегруженность термина *скрепа* привела к появлению определителей-конкретизаторов: *межфразовая, союзная, предложно-релятивная, коррелятивно-релятивная, местоименная* и др. Специализированные средства выражения синтаксических отношений в союзном сложном предложении чаще всего называются термином *союзная скрепа*.

Типология скреп чрезвычайно обширна. При рассмотрении структурных характеристик явлений, выполняющих юнкционную функцию на уровне сверхфразового единства и текста, мы сталкиваемся с чрезвычайно широким спектром этих конструкций. Это могут быть и союзы и их функциональные аналоги (частицы, местоимения, союзно-местоименные сочетания, наречия и частицы), и конструкции, представляющие большую или меньшую степень синтаксической идиоматичности, словосочетания, вводно-модальные конструкции и даже образования предикативного характера. Структурный показатель не позволяет установить общие черты во всем разнообразии этих конструкций.

Семантический показатель также является недостаточным. Союзные присоединительные скрепы обнаруживают различную степень полноты: от релятивной семантики, репре-

зентирующей копулятивные отношения, до вполне завершенной предикативной или даже полипредикативной модели, обладающей развитой системой семантических признаков.

Тем не менее, все описываемые конструкции, несмотря на структурно-семантическое разнообразие, имеют общие признаки. Эти признаки выявляются при подходе к этим конструкциям с функциональной точки зрения.

В центре нашего внимания оказывается скрепа-фраза как синтаксический юнкционный формант. Само понятие скрепы-фразы до сих пор не полностью утвердилось в современной лингвистике. Этот термин используется как общее название особых текстовых показателей [Шишмарева 1997]. В работах А. Ф. Прияткиной высказана гипотеза о формировании нового класса служебных единиц – «выразителей разного рода отношений и связей между компонентами текста» [Прияткина 1998: 25]. Даже морфологический состав межфразовых скреп в настоящее время классифицирован не полностью, поэтому важно определить скрепу-фразу как особое синтаксическое явление, выявить ее конститутивные и дифференциальные признаки, типологические характеристики, место в системе выражения синтаксических связей и отношений, упорядочить накопленные лингвистические знания по данному вопросу.

Глава 1. Скрепа-фраза в синтаксической системе русского языка

1.1. Юнкционные элементы в системе синтаксических связей в тексте в концептуальной парадигме синтаксических теорий

Развитие современной синтаксической теории заставляет многих исследователей более детально подходить к вопросам построения сложного синтаксического целого (в дальнейшем – ССЦ), сверхфразового единства (далее – СФЕ), связного текста (далее – СТ) и дискурса. Возникла необходимость серьезного рассмотрения структуры сложного синтаксического целого с точки зрения возникающих в нем синтаксических связей и отношений. В частности, весьма важным представляется определение особенностей функционирования различных средств связи между самостоятельно оформленными предложениями, характер самой связи, круг смысловых отношений, в который включены конструкции с этими средствами связи и пр.

Вопрос изучения и классификации элементов, служащих показателями семантико-синтаксических отношений в спектре синтаксических конструкций от минимального ССЦ до связного текста издавна вызывает большой интерес у исследователей. Эти элементы имеют различную природу. Роль средств связи в организации связного текста (СТ) могут выполнять морфологические элементы – союзы, их аналоги и союзные сочетания; соотношение видовременных форм сказуемых, связь тематических слов и их местоименных анафоризаторов, порядок слов и соотношение моделей порядка слов, различного характера лексические средства, разнообразные синтаксические способы организации целостности СТ – детерминация одного компонента высказывания другим, параллелизм и иные виды закономерной соотнесенности членов частей СТ, семантика компонентов СТ, реализующая гипонимические и гиперонимические отношения, функциональные и коммуникативные факторы – актуальное членение и фокусировка и др. Нам кажется, особое внимание следует уделить грамматическим феноменам, обнаруживающим известное союзоподобие, которые являются формальными средствами организации синтаксических связей между компонентами СТ – межфразовым скрепам (в дальнейшем – МФС) различной сложности и оформленности. Выбор и использование МФС определяется многими факторами, которые обусловлены спецификой синтаксического уровня, на котором они функционируют – уровня СТ.

Изучение СТ как особой структурно-синтаксической единицы языка ведется уже довольно давно. Мысль о важности исследования «речевой единицы» большей, чем предложение, восходит к А. Х. Востокову, Ф. И. Буслаеву, А. М. Пешковскому. Системный синтаксический подход к тексту как к особой единице синтаксиса был заявлен в начале XX века с появлением фундаментальных исследований Ф. Ф. Фортунатова и Ф. де Соссюра. В 40-50-е годы XX века на основе развития исследований соотношения языка и речи в трудах Л. А. Булаховского, И. А. Фигуровского, Н. С. Поспелова разрабатывается теория СФЕ. Большую роль в разработке концепции связной речи сыграли лингвистические наблюдения В. Матезиуса и его последователей Ф. Данеша, Я. Фирбаса и др. об актуальном членении предложения. В это же время появляется нарративная грамматика, которая основывается на идеях В. Я. Проппа, которая становится важным звеном возникшей во второй половине XX в. теории текста. В результате этих исследований выделились две основных задачи теории текста – исследование

его связности и его цельности. В области исследований СТ большое значение имеет теория дискурса, возникновение которой восходит к гиперсинтаксису Б. Палека, макросинтаксису Т. ван Дейка, синтаксису текста В. Дресслера, работам Э. Бенвениста, Р. Бьюгранда, Г. Плетта, в которых рассматриваются общие текстологические проблемы, семантические, структурные и функциональные характеристики различных аспектов СТ.

Современная теория текста продолжает разрабатываться в двух основных направлениях: исследование цельности текста и связности текста. Одним из направлений изучения связности текста является рассмотрение средств связи в образованиях, больших, чем предложение.

В настоящее время наблюдается отчетливая специализация в исследовании СТ как особого структурно-семантического и ритмико-интонационного речевого образования [Арутюнова 1976, Арнольд 1982, Солганик 1991, Николаева 1978 и др.]. Многие исследования направлены на поиски, описание и характеристику межфразовых отношений и средств связи отдельных высказываний, составляющих СТ в целом.

Для ряда ранних исследований в отечественной лингвистике текста характерно выделение широкого круга средств межфразовой связи, в том числе – сцепление предложений при помощи различных форм местоимений, повторов разного вида, разделения членов одной синтагмы между предложениями, входящими в СТ, и др. Позднее внимание концентрируется на тех средствах межфразовой связи, которые выступают в связочной функции уже в пределах отдельного предложения, – это союзы, местоименные наречия с обстоятельственным значением, указательные местоимения, порядок слов, последовательность глагольно-временных форм [Вардуль 1977, Кобрина 1965, Тураева 1986, Падучева 1985 и многие другие исследователи]. Однако тенденция к аналогизации межфразовых отношений и связей с внутрифразовыми долгое время мешала взглянуть на СТ как на принципиально особую единицу высказывания.

Трактовка СТ по типу предложения, при всех достоинствах и перспективах изучения «внутрифразового» синтаксиса не позволяла рассмотреть те средства межфразовой связи, которые не имели аналогов на внутрифразовом уровне. В последнее время возник интерес к исследованию не только сравнительных характеристик семантики и структуры СТ и «нижестоящих» единиц [Гиндин 1971], но и специфики собственно межфразовой связи, в частности – ее структурных, семантических и функциональных аспектов [Гаспров 1976, Москальская 1981, Прияткина 1990 и др.]

Употребление языковых единиц и способы их выражения рассматриваются в плане определения имплицированных смысловых подтекстов, что сближается с герменевтическим подходом (аспект толкования скрытых, неясных смыслов текстов). Теория пресуппозиций [Фреге 1977, Стросон 1986, Арутюнова 1998 и др.] рассматривает в контексте лингвистической семантики возможности осмысления высказывания с целью исключения его смысловой аномальности или неуместности употребления в данном тексте. Данное направление исследования текста сближается с прагматикой, когда общий фонд знаний, коммуникативный «фон» имеет существенное значение для осмысления текста.

Актуальной в последнее время представляется и теория кореферентности, рассматривающая отношения между частями (компонентами) высказывания (как правило, это именные группы и местоимения), связанными с одним и тем же референтом. Некоторые исследователи [Падучева 1985] считают кореферентность разновидностью анафорических отношений.

С развитием этих теорий понятие текста стало наполняться собственно лингвистическим содержанием.

Весьма актуальной представляется проблема многоаспектности текста как объекта анализа и «поля реализации или актуализации пересмотра многих текстовых категорий и, в частности, связности» [Гальперин 1981: 30–45], что в значительной степени обуславливает решение коммуникативных задач.

В современной лингвистике сложилось учение об уровнях языка и об отдельных единицах, рассматриваемых не просто в качестве единиц языка, а в первую очередь в качестве единиц того или иного уровня языковой системы [там же].

В системе уровней языка синтаксический является высшим и по своей структуре наиболее сложным, многоярусным. В нем выделяют ярусы синтаксической формы слова, словосочетания, предложения (простого и сложного) и, наконец, сложного синтаксического целого. Центральной единицей синтаксического уровня признают предложение на том основании, что только оно обладает такими важными свойствами, как предикативность, модальность, смысловая законченность, конструктивная целостность и структурная организованность. На синтаксическом уровне языка очень четко прослеживается соотнесенность синтаксических построений с логическими формами мысли, предложение рассматривается как выражение суждения, определенным образом организованное [РГ-80а: 10–12]. Эта организация предложения (от простого до сложного) связана с особенностью коммуникативной направленности, проявляющейся в способности выступить как образец построения конкретных фраз и синтаксического контекста. Для предложений тактика является следствием функционирования, поэтому «предложение как таковое не содержит признаков принадлежности к построениям более высокого уровня, но легко может модифицировать свою структуру и состав для выражения интегрирования, вхождения в структуру текста и преимущества по отношению к предшествующему предложению путем использования местоимений ... слов – заместителей» [Гальперин 1981: 43], специализированных союзных средств. В связи с этим на высшем ярусе синтаксического уровня языка выделяют единицу более сложного порядка – сложное синтаксическое целое [РГ-80а:163–164, 88], которое объединяет простые и сложные предложения в прерывистую единицу, определяемую прежде всего на семантическом и коммуникативном основаниях.

Сложное синтаксическое целое отличается от простого и сложного предложения в первую очередь в плане строения его элементов. Так, в нем следует рассматривать соединение ряда предложений, причем этот ряд может включать в себя разное их количество в зависимости от содержания высказывания. Учитывая неопределенность границ ССЦ, необходимо определить, какая конструкция является минимальной составляющей и, в известном смысле, исходной моделью строения.

Прежде всего, речь должна идти об определенном типе связи самостоятельно оформленных предложений, так как известно, что в любой синтаксической структуре одним из решающих критериев для аттестации модели является синтаксическая связь, функционирующая в сфере ее основных составных компонентов [Падучева 1982: 93]. И по мере того, как исследователи поднимались от низшего синтаксического яруса к более высоким его ярусам, они отмечали возрастание удельного веса того типа связи, который получил название «присоединение». Если между членами предложения или компонентами сложного предложения достаточно точно и отчетливо прослеживаются такие виды связи, как сочинение и подчинение, то связи между самостоятельными предложениями далеко не всегда могут быть определены в этих терминах, даже тогда, когда показателями связи служат все те же сочинительные (или подчинительные) союзы. Употребление подчинительных союзов, как правило, свидетельствуют о парцелляции более сложного единства, а сочинительные союзы чаще всего в сложном синтаксическом целом приобретают присоединительную функцию [АГ-70; РГ-80а; Алгазина 1994; Бабайцева 1983; Белашапкина 1967; Ильенко 1989; Леденев 1976; Черемисина, Колосова 1987 и др.].

«Возникнув в ходе исторического развития, значения единиц языка превратились в типовые знания, известные всем говорящим на данном языке и используемые как средство оформления и передачи конкретных мыслей» [Жирмунский 1968: 162].

Как отмечала Г. В. Валимова, «сочетаемость является свойством языковых единиц всех уровней, что определяет функционирование языка как средства общения» [Валимова 1967:

б]. Это их свойство проявляется в способности объединяться друг с другом, вступая в определенные отношения и определенным образом связываясь. Средством связи на уровне сложного синтаксического целого служат не только союзы, функционирующие в простом или сложном предложении, но и особые союзные образования, специально сформировавшиеся для объединения предложений, обладающих формальными признаками самостоятельности [Акимова 1990; Алгазина 1994; Бухбиндер 1975; Вейхман 1988; Звегинцев 1976; Ильенко 1989; Комарова 1975; Лосева 1971; Москальская 1980; Падучева 1985; Пфютце 1978 и др.]. Характеристика союзной присоединительной скрепы как особой разновидности аналогов союза должна учитывать своеобразие зоны их функционирования и тех синтаксических образований, которые она связывает. Совершенно очевидно, что эта зона их употребления находится на одном из высших ярусов синтаксиса.

Можно выделить СТ элементарной структуры (одно ССЦ), сложной структуры (два ССЦ), усложненной структуры (три и более ССЦ). Кроме того, видимо можно говорить об СТ гиперуровня и, напротив, о фразеологизации СТ.

Однако при рассмотрении такого неоднозначного синтаксического образования, как СТ, необходимо определить его синтаксический статус. В современной лингвистике уже прочно утвердилось представление, что текст является центральной единицей макросинтаксиса. Тем не менее до сих пор еще не достигнуто единого мнения о границах и параметрах этого синтаксического образования. Для обозначения синтаксических единиц этого яруса утвердился целый ряд дефиниций – ССЦ, высказывание, абзац, СФЕ, СТ (причем последний подразделяется на два яруса – микротекст и макротекст). Во многих работах эти термины употребляются в качестве синонимов, хотя такой подход вряд ли можно считать правомерным. Если абстрагироваться от авторства рассматриваемых терминов, то можно попытаться определить соотношение указанных понятий с точки зрения различных подходов при анализе их сущности.

Минимальной строевой единицей уровня синтаксиса текста можно считать *предложение* как структурную единицу, имеющую модели построения, формирующую коммуникативно завершенное синтаксическое образование – текст в минимальной своей репрезентации. В отличие от предложения *ССЦ* является более развернутой единицей, включающей в себя более одного предложения, коммуникативно завершенной, структурно и семантически оформленной надлежащими связями и отношениями. Можно говорить о том, что ССЦ является в первую очередь структурной единицей языкового плана, что отличает его от *высказывания*, которое является понятием чисто функционального плана и однозначно относится к области речи. Предложение и ССЦ как синтаксические единицы с одной стороны, и высказывание как коммуникативная единица с другой стороны, могут быть противопоставлены как форма и функция. Вместе с тем указанные языковые единицы неразрывно связаны с высказыванием как речевой единицей как компоненты двустороннего феномена существования языка как системы и ее практической репрезентации в реальных коммуникативных условиях.

Как продукт речевой деятельности высказывание является предметом внимания психолингвистики [Леонтьев 1997; Кацнельсон 1984], лингвистами высказывание анализируется как интонационное [Артемов 1976] и структурное [Карпова 1974] образование, как носитель характерных грамматических признаков [Слабковская 1977], как один из типов языкового знака [Маслов 1967]. Исследуются собственно коммуникативные [Остроумов 1973; Шатуновский 1996; Глаголев 1985 и др.] и функциональные [Баранов 1993] признаки высказывания. Содержательная сторона высказывания рассматривается в теории информации [Гиндин 1971; Падучева 1982; Леденев 2001], а также при изучении типов речи [Чесноков 1979].

Под понятие высказывания подпадают в зависимости от требований полноты смысла как предложения, исчерпывающие то или иное сообщение, так и *сверхфразовые единства*, т. е. структурно организованные (закрытые) цепочки предложений, представляющие собой смысловые и коммуникативные единства. Термины «предложение» и «сверхфразовое един-

ство», будучи противопоставлены друг другу, относятся к плану синтагматики и отражают синтагматическое строение определяемой единицы. При этом термин «предложение» ничего не говорит об отношении соответствующей единицы к высказыванию: он не разграничивает предложение-высказывание и предложение-конституент высказывания. Термин же «сверхфразовое единство» совмещает в себе синтагматический и функциональный подходы к определяемой единице. В синтагматическом плане он указывает на то, что определяемая синтагматическая единица представляет собой специальным образом организованную (замкнутую) цепочку предложений. В функциональном плане он характеризует определяемую синтаксическую единицу как развернутое высказывание. Таким образом, сверхфразовое единство («микротест») – понятие одновременно синтагматическое и функциональное. Это – *специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание.*

Проблема определения сверхфразовых единств и нахождения объективных критериев членения целого текста и его частей лишь в последнее время приблизилась к своему решению. Между тем вопрос этот чрезвычайной важности – невозможно постулировать существование сверхфразового единства как особой синтаксической единицы, не определив ее границ.

Некоторое время сверхфразовое единство терминологически отождествлялось с абзацем. Однако еще А. М. Пешковский писал об отсутствии для соответствующих синтаксических единиц особого синтаксического термина и о необходимости пользоваться «типографским термином абзац». В ходе дальнейшего изучения абзаца исследователями наряду с композиционно-графическим значением абзаца все более подчеркивалась его композиционно-стилистическая роль в структуре письменного текста. Так, Т. Т. Сильман пишет об абзаце: «Дело в том, что этот термин имеет не два значения, как вытекает из разъяснений А. М. Пешковского (т. е. «типографское» и «синтаксическое»), а скорее три: сверх названных двух значений существует еще значение некоего относительно законченного отрезка литературного текста, т. е. значение литературно-композиционное. С этой точки зрения смена абзацев литературного произведения отражает ход мыслей, принцип движения повествования – то, что принято называть литературной композицией, хотя каждый абзац при этом не утрачивает и своего синтаксического значения». Практически же в исследованиях данного автора абзац оценивается, прежде всего, именно как единица композиционно-стилистическая.

В настоящее время существуют две противоположные точки зрения. Одни исследователи по-прежнему отождествляют сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое и абзац или же, отказываясь совершенно от понятия сверхфразового единства, объявляют абзац сложным синтаксическим целым, т. е. синтаксической единицей высшего уровня. Так, крайнюю точку зрения высказывает Л. Г. Фридман, считающий, что сложное синтаксическое целое не имеет четких границ и набора релевантных признаков: «Не обладая ни одним из релевантных показателей, определяющих статус синтаксической единицы, ССЦ именно поэтому не может, на наш взгляд, рассматриваться как таковая... Мы полагаем, что сверхфразовой синтаксической единицей, обладающей набором релевантных признаков, качественно отличающих ее от единиц более низкого уровня – предложений, является абзац».

Другие исследователи, напротив, четко разграничивают абзац и сложное синтаксическое целое (или сверхфразовое единство), относя первое к области композиции письменного текста, а второе к области синтаксиса. Принципиально различает абзац и сложное синтаксическое целое Л. М. Лосева: «Абзац нельзя отнести к синтаксическим категориям. В синтаксической структуре текста никаких других единиц, кроме словосочетаний, сочетаний слов, предложений, сложных синтаксических целых нет». И далее о несовпадении границ абзацев и сверхфразовых единств: «Одна абзацная фраза может комментироваться сочетанием сложных синтаксических целых и, наоборот, одно сложное синтаксическое целое может выделить из своего состава несколько абзацных фраз или заключать в своем составе несколько абзацев».

Действительно, в зависимости от индивидуального стиля автора, а также от принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю размеры абзаца могут колебаться от нескольких страниц, объединяя до десятка сверхфразовых единств, до одного-двух предложений. Так, многие жанры нехудожественной прозы – учебная литература, законодательные документы и др. характеризуются членением на очень короткие абзацы, часто разбивающие на несколько частей одно сверхфразовое единство.

Нельзя также не учитывать и того коренного различия между абзацем и сверхфразовым единством, что абзац присущ только письменной речи, понятие же сверхфразового единства как связного высказывания, состоящего из ряда предложений, распространяется в равной мере на устную и письменную речь.

Заключая обзор мнений о соотношении сверхфразового единства и абзаца, приведем чрезвычайно справедливые слова Л. М. Лосевой: «Нельзя противопоставлять абзац ССЦ, это не противопоставляемые, но взаимодействующие категории. Однако еще опаснее их не различать, одну считать формой выражения, восприятия и т. д. другой».

Таким образом, СФЕ как синтаксическая единица включает несколько предложений, объединенных в смысловом и структурном планах, и характеризуется относительной семантической независимостью, большей, чем предложение. Каковы же критерии выделения СФЕ? Ведущим следует, по-видимому, считать смысловый критерий, который понимается неоднозначно различными учеными. Предлагается в качестве основного принципа вычленения СФЕ наличие единой микротемы, общность смысла составляющих СФЕ предложений, согласование смыслов, выражаемых предложениями, входящими в СФЕ, смысловое и коммуникативное единство. Другими словами, несмотря на различие в терминологии, критериями выделения СФЕ из потока речи является смысловая дискретность, предполагающая определенную законченность и самостоятельность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.